

ОНТОЛОГИЯ И ГНОСЕОЛОГИЯ

Е.В. Косилова*

ПОНИМАНИЕ КАК ПЕРЕЖИВАНИЕ**

В статье рассматриваются различные виды понимания в аналитической и феноменологической традиции — от понимания в математике до понимания Другого. Для исследования понимания в аналитической традиции автор обращается к произведениям Райла, Куайна и Деннета. Этот вид понимания представляет собой понимание как предсказание поведения, в том числе речевого. Понимание в математике и физике рассматривается на материале произведений Пуанкаре, Вейля и Гейзенберга. Этот вид понимания двоякий: понимание интуитивное, созерцанием и понимание логическое, как умение оперировать формулами. Понимание Другого в феноменологической традиции анализируется на примере работ Д. Захави. Данный вид понимания требует умения поставить себя на место другого человека. Вывод: понимание возможно на формальном уровне, но у человека оно не ограничивается этим уровнем и присутствует как особое ментальное состояние — понимание как переживание.

Ключевые слова: понимание в математике, понимание в физике, понимание в аналитической традиции, понимание в феноменологии, модель психического, переживание, квалиа, Д. Захави, А. Пуанкаре, Г. Вейль, В. Гейзенберг.

E. V. K o s i l o v a. Understanding as qualia

The article discusses various types of understanding, from understanding in mathematics to understanding the Other, in the analytical and phenomenological tradition. Understanding in the analytical tradition is considered on the basis of the works of Ryle, Quine and Dennett. This kind of understanding in this tradition is a prediction of behavior, including speech. Understanding in mathematics and physics is considered on the basis of the works of Poincaré, Weyl and Heisenberg. This kind of understanding is twofold: intuition, contemplation, and logical

---

* Косилова Елена Владимировна — доктор философских наук, доцент кафедры онтологии и теории познания философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (119991, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус «Шуваловский»), г. Москва, Россия), тел.: +7 (495) 939-14-21; e-mail: implicatio@yandex.ru

** Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы МГУ имени М.В. Ломоносова «Мозг, когнитивные системы, искусственный интеллект».

understanding, like the ability to operate with formulas. The understanding of the Other in the phenomenological tradition is considered by way of example of D. Zahavi's works. This type of understanding requires the ability to put oneself in another person's place. The author concludes that the understanding is possible at the formal level, but in addition to the formal level, a person has the ability to understand as a special mental state: understanding as qualia.

Keywords: understanding in mathematics, understanding in physics, understanding in analytical tradition, understanding in phenomenology, theory of mind, qualia, D. Zahavi, A. Poincaré, H. Weyl, W. Heisenberg.

Что такое понимание? Наверное, невозможно дать однозначное определение этому понятию. Этого и не нужно было бы делать, если бы это слово всегда употреблялось в одном значении. Но это не так. В своей статье «Понимание» А.П. Огурцов [А.П. Огурцов, 2000] приводит целый список того, как на разных этапах развития философии понималось «понимание», включая знаменитую антитезу «понимание–объяснение», а также совершенно новое значение слова «понимание» в современной физике. Я бы хотела поговорить о проблеме понимания в аналитической и феноменологической традиции.

1. Понимание в аналитической философии

Прежде всего, в аналитической и феноменологической традиции по-разному трактуется проблема значения. В аналитической традиции, особенно в ее прагматической ветви, восходящей к Л. Витгенштейну, Г. Райлу и У. Куайну, значение трактуется как употребление, речь в целом — как вид поведения, а проблема понимания в значительной степени сводится к вопросу, достигнуто ли согласие в практическом толковании поведения друг друга (например, достигнуто ли предсказание такого поведения). Речь и значение употребляемых слов практически полностью овнешняются. Мы не интересуемся тем, какие мысленные картины сопровождают речь нашего собеседника. Предполагается, что мы все равно по большому счету не можем узнать, что для него значит то и другое понятие.

Такое отношение особенно явно выражено в статье Куайна «Онтологическая относительность». С большим одобрением Куайн цитирует слова своего учителя Дьюи: «Значение не является психической сущностью, оно является свойством поведения». А вот его собственные слова: «Семантика будет страдать от **пагубного ментализма**, пока мы рассматриваем семантику человека как что-то, определяемое в уме человека, за пределами того, что может быть явно показано в его поведении. Самые сокровенные факты, касающиеся значения, не заключаются в подразумеваемой сущности, они должны

истолковываться в терминах поведения». И далее: «Познание слова состоит из двух частей. Первая заключается в ознакомлении с его звучанием и в способности воспроизвести его. Это фонетическая часть, которая достигается путем наблюдения и имитации поведения других людей. С этим процессом, по-видимому, все ясно. Другая часть, семантическая, заключается в познании, как использовать это слово» [У. Куайн, 1996]. Никакого места мысленному знанию о том, каков смысл слова, здесь не отводится. Мы видим, что это написано в пику двухуровневой семантике Фреге.

Аналогичных воззрений придерживался поздний Витгенштейн, которому также принадлежат слова «значение есть употребление». Он не элиминативист, однако его учение примыкает к натуралистическим. «Сила критики Витгенштейна была такова, что почти все последующие мыслители принимают предпосылку, что мы можем описать событие смысла только извне. Не существует привилегированного доступа», — пишет Р. Кобб-Стивенс в своем анализе прагматического подхода к теории значения [R. Cobb-Stevens, 1982, p. 130].

У Г. Райла в книге «Понятие сознания» есть целая глава, посвященная пониманию (увы, не такая ясная, как книга в целом). В ней идет речь о понимании людьми друг друга. Начинается она той же мыслью, что и статья Куайна: «Когда мы характеризуем людей с помощью ментальных предикатов, мы не делаем непроверяемых заключений относительно каких-либо призрачных процессов, протекающих в недоступных для нас потоках сознания. Мы описываем способы и манеры выполнения людьми элементов их по большей части публичного поведения» [Г. Райл, 2000, с. 60]. То есть проводится та же мысль, что мы не в состоянии понять эмоции и переживания другого человека и достаточно будет, если понимание будет на формально-поведенческом уровне. Аналогично он трактует и «понимание» человеком самого себя как псевдопроблему, потому что понимать, в сущности, вообще нечего. «Понимание поступков и слов человека ни в коем случае не является проблематичным угадыванием тайных процессов. Ибо такого угадывания не существует и не может существовать, тогда как понимание имеет место. Разумеется, составной частью моих основных тезисов является убеждение в том, что **предполагаемые тайные процессы сами по себе являются мифическими**; не существует ничего такого, что выступало бы объектом выдвигаемых определений. <...> Понимание является частью знания как» [там же, с. 62] — эта фраза явно показывает, что Райл мыслит в том же русле натуралистического прагматизма, что и позже Куайн. Даже вопрос «почему?» у Райла не встает. Понять человека, согласно этим философам, означает просто предсказать, как он будет себя вести.

Предельной выраженности эта идея достигает в теории А. Тьюринга о сильном искусственном интеллекте. Если мы в известном тесте не можем отличить машину от человека, то машина и *на самом деле* не отличается от человека. Тот факт, что человек как-то понимает то, что говорит, а машина не понимает совсем никак, в данном случае не играет никакой роли. Тьюринг не застал развития ИИ, которое, в сущности, он предвосхитил. Однако мы видим торжество его подхода в нынешнем развитии автоматических переводчиков, реализованных на нейросетях. Переводчику DeepL не требуется никакого понимания, ему необходимо «знание» многих текстов на паре параллельных языков (один и тот же текст на русском и английском, на итальянском и нидерландском и т.п.). Таким образом, он действует по образцам и переводит в данных парах любое количество новых текстов и справляется с этим относительно неплохо. Полное совершенство — вопрос уже только времени, а не какого-то качественного отличия человека от машины.

Итак, по Тьюрингу, когда ИИ прагматически не отличается от человека, он не отличается от него и онтологически. Следовательно, в том же случае и человек не отличается от ИИ. Но можем ли мы сказать, что мы переводим так же без понимания, как это делает нейросеть? Очевидно, нет. Нельзя, разумеется, не вспомнить тут и аргумент Сёрля о китайской комнате. Человек в китайской комнате «знает» китайский прагматически, но очевидно, что он не «понимает» его.

Чем же отличается человек от машины в плане понимания? Я бы назвала это известным термином аналитической философии «квалиа». Другими словами, это переживание. Квалиа является нередуцируемым добавлением к машине, которая могла бы работать и без него. Так, можно с натяжкой согласиться с Куайном, что язык можно употреблять чисто прагматически, в качестве поведения, которому учатся и которое направлено на какую-то цель. Однако при этом мы имеем еще как бы побочный остаток, как бы эпифеномен: переживание смысла. Говорить можно без него, но человек говорит с ним.

2. Понимание в традиции, восходящей к феноменологии

Феноменологическая традиция тесно связана с проблемой понимания, как личного понимания субъектом некоего смысла, так и взаимного субъект-субъектного понимания. Первое связывается с гуссерлевским понятием *Wesensschau* и достаточно освещается в феноменологической литературе. Несмотря на то что в него входит корень *schauen* — «смотреть, созерцать», Гуссерль специально ука-

зывает, что речь не идет о каком-то аналоге зрения. Речь у Гуссерля идет именно о понимании смысла. Английский автор Генри Ридер пишет, что Гуссерль имеет в виду усмотрение некоей структуры [H.P. Reeder, 1980].

Однако этот подход явно предполагает, что имеется ментальное состояние понимания, не тождественное какому-либо вербальному состоянию и в общем случае даже никак с ним не связанное (например, понимание графика). Это тот самый случай, о котором Пуанкаре писал как о математической интуиции (недаром Гуссерль был математик по образованию). В случае нематематической беседы мы, вероятно, не всегда можем говорить о зрительном воображении всего, о чем идет речь, поэтому дать общее описание «усмотрения сущности» трудно. Однако этот подход достаточно интуитивно понятен. Он обязательно предполагает существование внеязыкового ментального пространства, в котором происходит понимание «по смыслу». Он также предполагает, что мысль в общем случае не зависит от языка (хотя Гуссерль допускает, что язык может воздействовать на мысль тем или иным образом). Предположительно, мысль формируется в связи с идеями предметов, действий, отношений, структур или чего-либо иного в мире.

Феноменологическая установка накладывает на понимание ограничение: каждое понимание является герменевтической работой. Мы не можем ставить вопрос, правильно ли мы поняли, скажем, другого человека или какой-то текст. Нам даны феномены, т.е. содержание собственного сознания. Мы можем наблюдать за собой, как мы сами конституируем собственные смыслы для себя, но не можем исследовать, так ли мыслит другой; нам не даны, как сказал бы Кант, вещи в себе, т.е. то, что находится за феноменами. В этом смысле можно сказать, что Гуссерль — субъективист и даже релятивист. Однако мы стремимся к точному толкованию, и нигде не говорится, что оно невозможно, скорее, мы должны быть скромными и не претендовать на то, что поняли «как надо».

Герменевтическая работа означает толкование. Поскольку нам даны только мы сами, мы понимаем Другого только собственными духовными усилиями, по сути, — по аналогии с собой. Однако это не так в случае, если речь идет о понимании эйдетической конструкции, например математической. Здесь «за» феноменами стоит не проблематичное чужое переживание, а жестко определенный смысл. Для эйдетического мышления Гуссерль сохраняет термин «усмотрение сущности», который не подходит для герменевтического понимания Другого. В этом случае, конечно, речь идет о том, что у Канта называется созерцанием и что переводится на английский язык как *intuition*.

У Гуссерля есть произведение, в котором четко противопоставляются интуитивный и логико-синтаксический способы мышления в математике. Это «Начало геометрии» [Э. Гуссерль, 1996]. Там он прослеживает, как поначалу каждый, кто знакомился с геометрией и работами предшественников, осуществлял подлинное понимание, которое Гуссерль тут называет «реактивацией смысла». Однако, пишет Гуссерль далее, постепенно возникал императив к большей строгости, и наука впадала в «искушение языком», т.е. в настолько сложные выкладки, что их невозможно стало провести осмысленно — только формально. Гуссерль не дожид до XXI в., когда этот тренд в математике стал еще гораздо более выраженным (вплоть до компьютерных доказательств).

В этой связи мы можем поставить вопрос того же Гуссерля: в чем смысл и цель науки? И ответить на него: это, собственно, именно понимание. Это понятный нам рассказ о том, как устроено мироздание. Гуссерль касается и вопроса о практической пользе науки, но отвечает на него достаточно скептически и почти пренебрежительно — это не главная ее цель. В этом Гуссерль, конечно, не совсем современный человек, таких ценностей мы ожидали бы от античного мыслителя. В современном нам мире мы променяли «понимательную» функцию науки на практическую пользу от нее и поэтому дали ей возможность оторваться от интуиции и уйти в сферу, где господствует формализм. По сути, говорит Гуссерль, это иррациональное решение, лишающее нас возможностей настоящего осмысленного познания.

Как известно, Деррида в своем «Предисловии» к «Началу геометрии» еще больше усиливает идею Гуссерля о том, что геометрия стала работать языковым методом. Деррида в своих размышлениях приходит к тому, что мы, обладающие нашей геометрией, говорящей на нашем языке, вообще не можем проникнуть смысловым образом в предшествующую историю геометрии.

Однако мы должны сопоставить то, что говорит Гуссерль о геометрии, с тем, что говорят математики и философы о современной математике (и физике). Не может ли быть такого, что она на самом деле все-таки задействует понимание?

3. Понимание в математике и физике

Проблему понимания в математике необходимо, мне кажется, вести с Канта. Не случайно, немецкое слово “Verstand”, т.е. однокоренное с “verstehen” — понимать, на русский язык принято переводить как «рассудок», а на английский язык и само слово “Verstand” принято переводить как “understanding” — «понимание». По Канту, работа

рассудка, строящего нашу картину мира, — это и есть понимание, т.е. схватывание, улавливание связи.

У Канта противопоставляются два способа мышления (понимания) априори: математический, основанный на созерцании, и метафизический, основанный на мышлении в понятиях. Но вряд ли мы сейчас согласимся с ним в том, что математика всегда оперирует созерцанием [И. Кант, 2015].

По этому поводу вспомним классическую статью А. Пуанкаре «Интуиция и логика в математике» [А. Пуанкаре, 1989], в ней вводится два основных приема математического мышления: интуитивный, который он в то же время отождествляет с геометрическим, и логический, аналитический, формальный (я думаю, можно назвать его и синтаксическим). В этой статье Пуанкаре, с одной стороны, выделяет два типа математиков, которых так и называет — логики и геометры, а с другой стороны, указывает на развитие математики — от преобладания в ней наглядности («геометрии») к господству формализации («логики»). Он даже делает вывод, что в его время математика достигла абсолютной строгости, что сейчас кажется несколько поспешным. Следуя его темам, другой французский математик — Ж. Дьёдонне — указывает на тот факт, что даже в очень сложной, высокоформализованной математике своего рода интуиция также имеет место. Он описывает два рода такой интуиции: комбинаторную, основанную на большом опыте обращения с какими-то математическими объектами, и интуицию переноса, которая работает в случае, если более сложный объект имеет что-то общее с более простым [Ж. Дьёдонне, 1982].

Однако мы видим, что в той интуиции, которую описывает Дьёдонне, уже практически ничего не остается от кантовского созерцания.

Рассмотрим теперь философские размышления двух немецких математиков о понимании. Г. Вейль одно время увлекался феноменологией, потом отошел от нее. С помощью феноменологического метода он сначала хотел прояснить для себя, как происходит понимание математики. Это он сделать смог, поскольку Гуссерль сам был математик, и его понятие «усмотрение сущности» (*Wesensschau*) хорошо подходит для понимания математических операций. Вейль не ставит задачу развести логические и геометрические операции, как ставил Пуанкаре. Можно подумать, что Вейль считает математика способным усмотреть сущность любого математического объекта и любой операции, даже чисто формальной, с объектами, которые вроде бы невозможно себе представить. Более того, в самом начале книги «Математическое мышление» он фактически рисует мышление «абстракциями», т.е. формальное мышление в знаках. Видимо,

к нему он тоже считает возможным приложить понятие усмотрения сущности [Г. Вейль, 1989].

Однако такое благостное понимание понимания уступает место недоумению, когда Вейль переходит от математики к физике, которой он тоже занимался. В физике — как в теории относительности, так и особенно в квантовой механике — идет речь о таких вещах, в которых усмотрение сущности и понимание в обыденном смысле решительно невозможно. Вейль считает, что это конструкции, и от Гуссерля переходит к Фихте, утверждая, что феноменология и конструктивизм — противоположности. Я не думаю, что в этом утверждении он прав. Гуссерль вполне четко описывал именно конструктивистскую работу математика, например в произведении «Начало геометрии». Причем Гуссерль проводил различие между конституированием смысла в процессе математического исследования и формальной работой языка. Вейль не проводит этого различия и склоняется в общем к тому, что формальное конструирование без внутреннего понимания и соответствует работе в современных областях физики.

Более остро ставит проблему В. Гейзенберг в произведении «Понимание в современной физике» [В. Гейзенберг, 1989]. «Вольфганг [Паули] спросил меня... понял ли я эйнштейновскую теорию относительности, игравшую такую большую роль на семинаре Зоммерфельда. Я смог ответить лишь, что не знаю, поскольку мне не ясно, что, собственно, означает слово «понимание» в естествознании. ...у меня такое ощущение, будто я в известном смысле обманут логикой, в соответствии с которой действует математическая схема этой теории. Или, если хочешь, я понял теорию головой, но не сердцем» [там же, с. 161]. Гейзенберг, описывая в этом произведении философские споры с коллегами-физиками (нельзя, кстати, не удивиться глубине философской эрудиции тогдашних физиков), не делает различия между пониманием и объяснением, и поэтому у него, в его попытках дать определение тому, что такое понимание, постоянно встречается стремление «понять» какое-то явление, вписав его в закон. Мы сейчас назвали бы это объяснением, тем самым закрыв проблему. Однако для Гейзенберга это тоже вид понимания, и это тоже проблема: почему такое-то явление надо вписывать в такой-то закон, почему закон таков, а не другой. Пониманию подлежат также и понятия, прежде всего такие понятия, как время, ведь теория относительности сделала время чем-то абсолютно непривычным. Что значит понимать, что такое время? Августин проблематизировал это даже в отношении обычного, нашего времени. Насколько труднее понимать время в теории относительности! Гейзенберг приходит к тому, что понятие понимания все-таки надо переопределить, понимать под пониманием простое умение оперировать символами.

Мы встречаемся с двумя принципиально различными видами понимания, которые можно назвать семантическим и синтаксическим. Синтаксическое понимание — это умение проследить дедуктивный вывод по шагам, проверить правильность каждого шага. Семантическое понимание требует каким-то образом «представлять себе», что стоит «за» каждым преобразованием, оно восходит к тому, что Кант называл созерцанием, а еще ранее к тому, что определялось латинским термином “*intuitio*”. Сразу хочется сказать, что семантическое понимание является более богатым, потому что подразумевает представление о том, что происходит в некотором мире, отличном от бумаги с символами. Оно также определенно ставит вопрос, в чем смысл проводимых преобразований, «почему» они именно таковы. В статье Пуанкаре, на которую я ссылаюсь выше, сказано, что без интуитивного (семантического) мышления невозможно открытие, творчество, в то время как логическое (синтаксическое) мышление полезно при доказательстве.

М. Джакинто [*M. Giaquinto*, 2020] указывает, что в математике визуальное мышление используется не только в эвристическом поиске решения, но и в процессе доказательства. Он даже не рассматривает вопрос, возможна ли в математике чисто синтаксическая работа, без всякой опоры на визуальное мышление и, соответственно, без опоры на созерцание.

Взгляд из когнитивной науки также предполагает, что чисто синтаксическая работа остается под вопросом. Дж. Лакофф и Р. Нуньес в своей известной книге «Откуда взялась математика: как разум во плоти создает математику» [*Дж. Лакофф, Р. Нуньес*, 2012] переводят разговор о «созерцаниях» в совсем иную плоскость, в рассуждения о концептуальных метафорах, которые укоренены не столько в визуальном мышлении, сколько в телесности. В пример концептуальных метафор они приводят понятие множества, которое, согласно их теории, является видом «метафоры контейнера». Такого рода метафоры основаны на деятельности, а не на «бездеятельном» созерцании. Аналогично рассуждал Ж. Пиаже, говоря о том, что логический интеллект основан на деятельности, в том числе на элементарных движениях младенца. В этом когнитивные науки смыкаются с деятельностным подходом.

Нам важно иметь в виду, что под лакоффовское понятие «концептуальная метафора» попадает и логика. Она, настаивают Лакофф и Нуньес, заключается не в механическом применении правил дедуктивного вывода, а в мышлении, которое тоже является метафорическим. Они приводят в пример визуализацию логики, например диаграммы Венна, настаивая, что такого рода визуализация также

восходит к метафоре контейнера и, заключаю я, к пространственному мышлению в целом. Таким образом, идея Лакоффа и Нуньеса в том, что логические выкладки также сопровождаются метафорическим мышлением и, следовательно, созерцанием.

Безусловно, существует способ говорить на языке, применяя чисто синтаксические законы. Мы можем пользоваться правилами модус поненс или подстановки, не спрашивая себя, зачем и почему мы это делаем, просто потому, что формальные правила позволяют. Точно так же мы можем переводить с языка на язык, не зная смысла слов, пользуясь словарями (и тезаурусами, т.е. правилами употребления, по Витгенштейну). Гугл-переводчик так делает, и у него неплохо получается.

Но существует и более человеческий способ — говорить с пониманием. Обычно и результаты получаются лучше (хотя не факт, потому что уровень субъективности повышается). Так же и в математике: синтаксические способы понимания имеют место, но они не препятствуют метафорическим способам или способам, основанным на «усмотрении сущности», т.е. на созерцании.

Поэтому мы можем сказать в целом, что понимание является «довеском», человеческим остатком, не необходимым, но существующим. Это, собственно, именно квалиа, т.е. переживание.

4. Понимание Другого в феноменологии

Понимание математики и понимание Другого могут показаться разными видами понимания, хотя Гуссерль и в том, и в другом случае говорит о конституировании смысла. Для нас же эти два вида имеют общее еще в одном аспекте: и там, и там можно говорить о формальном и о смысловом понимании.

О формальном понимании было сказано Райлом и Куайном в терминах поведения, прагматики. Почему я называю прагматическое понимание формальным, так это потому, что переживание в нем не задействуется. Достаточно умения предсказать поведение, одним из видов которого предстает и речь. Если я предсказала, что ты скажешь через 5 минут, то я понимаю тебя. Так же, как если я предсказала, что ты сделаешь. Примерно это соответствует моему мысленному конструированию тех программ, которые управляют речью Другого, — говоря так, я напоминаю, что одним из вдохновителей этой традиции был Тьюринг.

Примерно такой же позиции придерживается и Д. Деннет, который, как известно, был учеником Куайна. Согласно Деннету, в отношении Другого мы принимаем интенциональную установку, под которой он понимает разгадывание его намерений. Если мы раз-

гадали эти намерения успешно, то больше ничего ждать не должны. Об эмпатии речь не идет [Д. Деннет, 2004].

Что касается феноменологической установки в понимании Другого, то имеется в виду именно глубокое понимание. Оно, как уже было сказано, непременно герменевтично, т.е. заключается в толковании, но при этом речь идет о «вчувствовании». Это немецкая традиция, существующая с тех пор, когда у Дильтея противопоставлялось понимание и объяснение.

Понимание Другого может быть по аналогии с собой, как это было у Гуссерля. Прежде всего, о данности Других он пишет, что для Я они даны как обладающие таким же Эго, так же конституирующие мир, как я сам. Мой мир я разделяю с Другими, я имею его не как свой собственный, но как общий, интересубъективный. Однако для Гуссерля первично все-таки Я. Если рассуждать о гуссерлевском восприятии Других, то оно, возможно, окажется эгоцентричным. У него не идет речь о перенесении моей точки зрения «на место» точки зрения Другого [Э. Гуссерль, 1998].

Однако современная феноменология в этом аспекте продвинулась дальше. В работах Д. Захави интересубъективности уделяется центральное место [D. Zahavi, 2011; D. Zahavi, S. Overgaard, 2013]. У него получила развитие идея “theory of mind” (у нас переводят «модель психического»), которая первоначально была осмыслена на материале аутизма и психологии ребенка. В чем состоит эта идея? Исходное состояние Я действительно эгоцентрично. Ребенок до 5-ти лет рассматривает других как тех, кто окружает его, он смотрит только со своей точки зрения. Однако это продолжается в норме именно примерно до 5-ти лет. Затем у здорового ребенка появляется и в дальнейшем развивается способность взглянуть на события с точки зрения Другого. Он понимает, что Другой может не знать того, что знаю я, что для Другого вещи могут выглядеть по-другому. Понимать, что у Другого сознание такое же, как у меня, т.е. ограниченное, — это одновременно понимать, что Другой есть именно иной, носитель иной точки зрения (и тоже ограниченной). При аутизме способность вырабатывать модель психического почти отсутствует, в результате чего аутист оказывается неспособным встать на точку зрения Другого (например, понять, что он не знает то, что знаю я).

Модель психического — не эмпатия, однако она находится с ней в тесном отношении. Мы, взрослые люди, также нередко ожидаем от Другого, что он будет соответствовать нашим ожиданиям, мы хотим, чтобы Другой стал частью нашего мира. Мы забываем или не хотим подумать о том, что для Другого — это я являюсь частью его мира, это я отвечаю на его потребность, а не он на мою. У Гуссерля, думается, этот момент не проработан, а для высокоразвитого

взрослого здорового индивида он является важнейшим в понимании. Позволение иметь свою логику, смотреть на меня со своей точки зрения — это важнейшие элементы понимания среди людей. Притом это настоящее понимание, это не сухой расчет, как будет вести себя Другой. Понимая Другого, мы как бы становимся им, мы постигаем (истолковывая) часть его мира.

Итак, из чего складывается понимание Другого? Мы уже отметили прагматический аспект привычки к его поведению. Мы отметили эмпатию, основанную на констатации сходства. Мы также отметили умение поставить себя на его место. Я бы хотела добавить самое, на мой взгляд, важное — это переживание понимания. Оно может показаться совершенно субъективным довеском к уже отмеченным, более объективным характеристикам понимания. Другой всегда, так или иначе, притягивает или отталкивает нас, чаще, как кажется, все-таки притягивает. Эту эмоцию, некую гравитацию между членами социума, невозможно отмыслить от межчеловеческого взаимодействия. На этой гравитации держится вся социальность. Конечно, существуют такие вещи, как установка «от Других», о которой писала К. Хорни, как социопатия или простая интроверсия. Индивид всегда неоднозначно относится к социуму, и это правильно. И все-таки даже крайний социопат или аутист нуждаются в Других. Гравитация, как в физике, — слабая сила (гораздо слабее электромагнитного взаимодействия), но она действует повсеместно и всегда. Это то, что заставляет нас, собственно, стремиться к пониманию и рассуждать о нем. Недаром Сартр в своем «первичном отношении к другому» — любовь, язык, мазохизм — ставит любовь на первое место. Это Сартр, автор фразы «Ад — это другие»! Другие, к которым мы не можем не тянуться.

Когда любовь становится пониманием, она нас обогащает.

Заключение

Дмитрий Мережковский в своем дневнике писал: «Знание есть любовь. Не имея любви к предмету, можно иметь о нем сведения, но нельзя иметь знания. Только любящий взор проникает в сущность, в сердце вещей. Кто мало любит, мало знает. Нелюбовь — незнание, невежество, и ученое невежество — злейшее. Иметь о предмете сведения, осязать, ощупывать и видеть его извне — значит ничего еще не знать о нем как следует. Знать о предмете можно, только увидев его изнутри. Таким внутренним видением, ясновидением обладает сочувственный опыт, опыт любви. Сердце сердцу весть подает: сердце познаваемого сердцу познающего. Истинное знание есть дело не одного ума, но и воли, чувства, всех духовных сил человека. Совер-

шенное знание — совершенная любовь» [Д. Мережковский, 1915]. Это было сказано Мережковским прежде всего в применении к истории, но это, мне думается, справедливо для всех областей понимания.

Понимание — это переживание. Оно может быть созерцанием или интуицией в математике, как у Канта и Пуанкаре, может быть реактивацией смысла в геометрии, как у Гуссерля, может быть оперированием метафорами в логике, как у Лакоффа и Нуньеса, может быть эмпатией, как у Гуссерля, или моделью психического, как у Д. Захави. Последнее — тоже вид понимания, потому что оно представляет собой восприятие Другого в его инаковости, позволение ему быть им.

Как в китайской комнате Сёрла, понимание как переживание — не обязательный элемент понимания как оперирования. Так же и квали являются необязательным довеском к поведению. Все можно объяснить без квали, но у человека они есть. Так же и понимание как переживание. Можно прожить без него, но это — человеческое свойство.

При этом надо иметь в виду, что не всегда такое понимание «сердцем» будет безошибочно. Пуанкаре предостерегал от того, чтобы полагаться на интуицию в доказательстве. Доказательство, писал он, должно быть проведено только с помощью строгой логики. Авторы статьи о визуальном мышлении в математике также пишут, что оно может наталкивать на ошибочные обобщения или упускать важные частности. Все мы знаем, как часты ошибки при переводе из-за иллюзии понимания автора. Еще более знаем мы, что далеко не просто понять Другого. Сердце делает ошибки, иногда оно даже ослепляет.

Однако, будучи людьми, мы не откажемся от стремления понять то, что можем, даже рискуя сделать ошибку. Понимание — это всегда риск.

Более того, непонимание может быть по-особому продуктивно. Оно стимулирует работу ума, оно ведет к обогащению смыслами. Понимание — долгая дорога, на которой непонимание — это мотор, а проблемски догадок — путеводная нить.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вейль Г. Математическое мышление. М., 1989.
Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое. М., 1989
Гуссерль Э. Начало геометрии. Введение Ж. Деррида. М., 1996.
Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб., 1998.
Деннет Д. Виды психики: на пути к пониманию сознания. М., 2004.
Дьёдонне Ж.А.Э. Абстракция и математическая интуиция // Математики о математике. М., 1982 // URL: <http://www.fidel-kastro.ru/matematika/01.htm>
Кант И. Критика чистого разума. § 16. О первоначально-синтетическом единстве апперцепции. М., 2015.

Куайн У. Онтологическая относительность // Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада. М., 1996.

Лакофф Дж., Нуньес Р. Откуда взялась математика: Как разум во плоти создает математику. Отрывки // Спиридонов В.Ф., Фаликман М.В. Горизонты когнитивной психологии: Хрестоматия. М., 2012.

Мережковский Д. Было и будет. Дневник 1910–1914. М., 1915.

Огурцов А.П. Понимание // Новая философская энциклопедия. 2000.

Пуанкаре А. Интуиция и логика в математике // Пуанкаре А. О науке. М., 1989. С. 205–218.

Cobb-Stevens R. Hermeneutics without relativism: Husserl's theory of mind: Research in phenomenology. 1982. Vol. 12. P. 127–148.

Giaquinto M. The epistemology of visual thinking in mathematics // Stanford Encyclopedia of Philosophy. 2020 // URL: <https://plato.stanford.edu/entries/epistemology-visual-thinking/>

Reeder H.P. Husserl and Wittgenstein on the “Mental Picture Theory of Meaning” // Human Studies. Apr. 1980. Vol. 3, N 2. P. 157–167.

Zahavi D. Intersubjectivity // S. Luft, O. Overgaard (eds). Routledge companion to phenomenology. L., 2011.

Zahavi D., Overgaard S. Intersubjectivity // The International Encyclopedia of Ethics. 2013.